

ЭТО было осенью 1942 года. Дивизия стояла в районе Холма. На восточном берегу Ловати она стойко держала оборону на рубеже Мильково — Межия — Снегирево. И так почти до середины октября 1943 года. Мы рассказываем сегодня о том, как стихи поэта Сергея Смирнова вдохновляли воинов на борьбу за освобождение новгородской земли от фашистских оккупантов.

* * *

— Мне повезло, — с гордостью рассказывает С. Смирнов. — Узнав, что знаменитой Панфиловской дивизии понадобился свой собственный поэт, я добился увольнения с завода и уехал с бравым капитаном-панфиловцем в дивизию. С белым билетом о своей воинской непригодности и гражданским паспортом осенью 1942 года я прибыл под Холм. Наивное ожидание, что мне незамедлительно вручат винтовку (а стрелять я умел) и отправят на передовую, не оправдалось.

Ему присвоили почетное звание — гвардии рядовой. В этом звании и должности красноармейского поэта в 1945 году он и закончил войну в Панфиловской дивизии.

— Как-то, — вспоминал С. Смирнов, — пригласил меня к себе комиссар полка.

— А ну, прочти свои творения!

Послушал. И тут же, в присутствии множества подвластных ему чинов, дал оценку приговор:

— Не то! Злости к врагу мало. Ты дай нам такое, чтобы в бой вело!

И Сергей Смирнов «давал» такие стихи.

Получал поэт задания и от редактора «дивизионки» Павла Кузнецова.

— Подготовьте целую стихотворную полосу, да не такую, где сплошь лозунги и

призывы в зарифмованном виде, а чтобы и про любовь, и про отчий дом, и про солдатское житье — бытие было.

..Вспомнил поэт на берегах Ловати свое босоное детство, когда с ребятами «сочил березу». Он пишет об израненной и попанной земле; о перестоявшей траве, которая так и не дожидается косаря; об осоке, которая промита не дождями, а пулями; о тишине на реке, вот-вот готовой взорваться громом; о зацветшей

...В клубе шел концерт дивизионной самодеятельности — бойцы пели, плясали, разыгрывали сценки. А потом конференсье объявил: «Сейчас выступит известный вам товарищ, гвардии рядовой... наш дивизионный поэт». На сцену вышел невысокий красноармеец.

— Котелок! — внезапно сказал он охрипшим голосом, и в зале зааплодировали. Это было название стихотворения. Поэт читал очень громко, от-

ся и светлеть... А кончилось все так:

И в наплыве табачного дыма
Сделал вывод бывалый стрелок,
Что для воина все достижимо,
Лишь бы только вария...

Здесь дивизионный поэт, гвардии рядовой внезапно постучал себя по лбу средним пальцем. Все, кто сидел в зале, ухмыляясь, смеясь, хохоча, дружно хлопнули себя по лбам и громово выдохнули расчетливо задержанное чтением слово:

— Котелок!

СЕРГЕЙ СМИРНОВ— ПОЭТ-ПАНФИЛОВЕЦ

ржи, колосья которой грустно ждут заботливых рук хлебороба; о девушке, которую нежно вспоминает солдат:

И у нас на фронте тоже лето.
Вся в цветах бежит река Ловать.
Вся земля по-летнему одета.
В летней форме легче воевать.
От дождя трава ложится косо —
Сенокосу надо быть давно,
Да не будет нынче сенокоса,
Это поле — минное оно.
Там остался дом под мирной
крышей,
Там осталась девушка одна,
Без которой мне в часы затишья
Слишком длинной кажется война.

(«Лето 1943 года»).

Сергей Васильевич очень часто выступал перед бойцами.

— Лучше, благодарней аудиторию, чем солдатская, — говорил С. Смирнов, — трудно себе представить. Здесь от души идущее слово приобретает действительную силу. Удачное стихотворение переписывается и в треугольнике солдатского письма летит по самым различным адресам глубокого тыла.

рывисто, подаваясь вперед всем корпусом:

Обронил я во время похода
Котелок на одной из дорог,
Налетевшая сзади подвода
Исковеркала весь котелок.
Пострадал неизменный товарищ,
Превратился в бесформенный
ком.

Это значило — пишу не сварить,
Не согреешь себя кипятком.

Эти две строфы он прочитал с таким драматизмом, будто речь шла о прямом попадании снаряда в полковую кухню. Ощущение разразившейся катастрофы он передал с громадной степенью достоверности. Следующие строфы были произнесены в тоне элегического размышления:

Котелок никуда не годится,
Но его я исправил, как мог.
И задумали мы убедиться —
Подведет или нет котелок?
Первым делом картошки сварили,
В котелке разварилась она.
После этого чай смастерили.
Котелок осушили до дна.

Уже на этих строчках лицо Смирнова стало преображать-

ся. Чувствовалось, что не в первый уже раз читает свое стихотворение дивизионный поэт и не впервой солдатская аудитория принимает участие в этом коллективном действии. Все вокруг были оживлены, довольны.

Следующее стихотворение Смирнов начал читать, не объявляя названия, но уже первые его строчки насторожили зал:

В Киргизии,
В городе Фрунзе,
Я памятник видел такой:
Стоит генерал наш Панфилов
С простертой на Запад рукой...
Он видит дивизию нашу —
Какой это смелый народ!..

Поэт-красноармеец волновался. Он не декламировал — митинговал. Глаза его горели. В напряженную тишину упали последние слова стихотворения. Обвалом загремели аплодисменты. Весь зал встал. А когда утихло волнение, раздался отчаянно-звонящий голос: «Ура панфиловцам!» И снова грох-

нули аплодисменты...

Придавая большое значение работе журналистов, прозаиков и поэтов, газета 22-й армии «Вперед за Родину» на новгородской земле организовала в 1943 году двухдневный семинар. Был вызван и поэт-панфиловец С. Смирнов. Обменялись опытом, было много выступлений. И здесь ему торжественно вручают подарок — толстую тетрадь в дерматиновом переплете. На первой странице типографским способом было начертано:

И песня —
и стих —
это бомба и знамя.
(В. Маяковский).

Чуть ниже впечатаны слова: «Красноармейскому поэту гвардейцу Сергею Смирнову от редакции газеты «Вперед за Родину!».

Отныне уже не на случайных клочках бумаги и не на бересте писал поэт. А было и такое:

...Я пишу тебе одной
На бересте ледяной...
А березонька в огне,
Заменяет лампу мне.
(«На клочке бересты», 1943).

Подаренная тетрадь стала поэту дневником. Вот первая запись: «Спасибо вам, «Впередзародинцы!» Наконец-то мои «бумажки» будут в спитом виде». Газета «Вперед за Родину!» печатала его стихи и целые подборки. Эта же газета дала на своих страницах литературный портрет С. Смирнова («Красноармейский поэт»), где высоко оценила его фронтовую музу.

Окончен ратный труд поэта. Из-под его пера выходят сборники за сборником. Бывший студент Литературного института, Сергей Васильевич Смирнов теперь сам бережно растит в его стенах молодую смену.

В. ТЮРИН,
доцент Новгородского
государственного
педагогического
института.